

А. А. Адамов

Тобольск, историко-архитектурный музей-заповедник

ГЛИНЯНАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ ФИГУРКА ИЗ ПРИИРТЫШЬЯ

При исследовании городища Долговское 1, расположенного на правом берегу р. Иртыш, напротив устья р. Вагай, у с. Бегишево (Вагайской район Тюменской обл.), был получен разнообразный материал, относящийся к потчевашской культуре. Среди большого количества находок выделяются предметы глиняной пластики. Остановимся только на одной антропоморфной поделке.

Фигурка изображает сидящего человека (4,3х3,9). Корпус передан овальной формой, выделана голова. находка оказалась в древности разломлена, а обе ее части были найдены в разных местах котлована жилища. Края разлома фигурки были частично повреждены. Пострадала правая сторона головы и была утрачена нижняя часть фигурки, вполне возможно, что она завершалась полукругом. Голова фигурки оформлена с особой тщательностью. Овал лица выделен зубчатым штампом, показаны глаза и рот. В верхней части головы сформированы (очевидно пальцами) три небольших продольных валика, которые спускались на затылок (частично сбиты). С левой и правой стороны головы были вылеплены два коротких, аналогичных верхним, валика, спускающихся вниз (с правой стороны валики сбиты при поломке фигурки). С лицевой стороны фигурка орнаментирована мелким, скорее всего, однозубым штампом из прямых и зигзагообразных линий, двух тройных концентрических кругов, меандров. Кроме того, на фигурку нанесены два вертикальных ряда отрисовок круглой трубочки (судя по размеру – травинки).

Аналогии нашей фигурке известны на многих средневековых памятниках Среднего Приобья, таежного Прииртышья и Нижнего Приобья. Южная граница их распространения доходит до системы Андреевских озер близ Тюмени [Пархимович 1997]. По датировке глиняной мелкой пластики, изображающей сидящие антропоморфные фигурки, среди исследователей нет единого взгляда. Диапазон суждений о датировке достаточно велик: от широких рамок I тыс. н. э. [Мошинская 1973: 83], второй пол. I тыс. н. э. [Федорова 1979:151], до узких хронологических границ конца I – начала II тыс. н. э. [Терехова, Широков 1986: 135]. Антропоморфная фигурка, найденная на дне потчевашского жилища, прямо свидетельствует о длительности бытования этой категории мелкой пластики. По-видимому, фигурки появились не позже VIII–IX вв. Об этом же свидетельствует предложенная Н. В. Федоровой трактовка внутренней эволюции фигурок – от более реалистических к стилизованным [1979: 149]. Наша находка, имеющая хорошо проработанное лицо, как раз является подтверждением этого предположения.

Интерпретация аналогичных фигурок решается далеко не однозначно. Высказанная В. И. Мошинской точка зрения об определении антропоморфных фигурок как игрушек не нашла поддержки у исследователей. В пользу такой интерпретации был выдвинут единственный аргумент – фигурки не имеют лица, что характерно, по данным этнографии, для кукол [Мошинская 1958: 1973]. Несколько позже стали известны многочисленные глиняные поделки с хорошо проработанными лицами и одновременно были высказаны версии о религиозном характере фигурок, о их связи с очагом и хранительницей очага [Викторова 1968: 249], прямой связи изображений с культом кузнечно-металлургического производства [Терехова, Широков 1986: 137]. Точку зрения Л. М. Тереховой и В. Н. Широкова о культовом характере фигурок, по мнению самих авторов, подтверждает и ритуальный характер богато орнаментированной одежды, который не находит прямых аналогий в имеющихся археологических материалах [1986: 133]. С этим утверждением трудно согласиться. Действительно, в археологических материалах одновременных антропоморфным изображениям на территории Западной Сибири отсутствуют находки одежды с

богатой орнаментальной отделкой, но это не означает что таких изделий не было, так как материя и кожа не сохраняются. В то же время этнографический материал свидетельствует о тщательной орнаментации не только праздничной, но и повседневной одежды коренных народов Сибири. В фондах Тобольского музея-заповедника хранятся платья, рубахи, штаны южных хантов расшитые шерстяными нитками по холсту, которые вполне сопоставимы с глиняными изображениями. Довольно многочисленные глиняные фигурки позволяют утверждать, что техника украшения одежды аппликацией и вышивкой имеет глубокие исторические корни. Наши материалы показывают, что глиняные фигурки вряд ли играли роль культовых. Как отмечалось выше, анализируемая фигурка человека была разломлена; два сквозных отверстия и следы залощения имеет и фигурка с поселения Песьянка 7 [Пархимович 1997: 136]. Многочисленные обломки глиняных фигурок обнаружены и на других памятниках [Морозов, Панина 1997; Терехова, Широков 1986]. Находки целых глиняных фигурок довольно редки. Это показывает, что данные антропоморфные изображения использовались весьма интенсивно и довольно небрежно, поэтому их участие в одноактном культовом действии (например, при металлургическом производстве), вызывает большое сомнение. А поза кукол? Почему они сидячие, и совсем нет плоских? Возможно так их удобнее всего устанавливать в вертикальном положении. Опираясь на вышеизложенные факты, можно предполагать их использование в детских играх, поэтому нам ближе тезис В. И. Мошинской о принадлежности глиняной антропоморфной пластики детским игрушкам. Находки на потчевашских памятниках глиняных фигурок лошадок с отверстиями для ног-палочек и миниатюрных копий седел и даже стилизованных всадников свидетельствуют о том, что глиняная мелкая пластика активно использовалась в детских играх. Этому, вроде бы, противоречит изображение лиц на фигурках. Однако, известны и одновременные многочисленные бронзовые подвески с изображениями мужчин, имеющих хорошо проработанные лица. Выявленная же тенденция к схематичному изображению в антропоморфной пластике, вероятно, свидетельствует о зарождении, зафиксированной этнографами, традиции использовать в качестве игрушек кукол, не имеющих лиц.

Находка антропоморфной фигурки на городище Долговское 1 дает возможность по-другому взглянуть на ряд древних плоскостных изображений. На теменной части головы нашей фигурки имеются три четко обозначенных валика, по два валика было и с височных сторон. Возникает вопрос, что старался древний мастер передать этими валиками? Конструкцию головного убора? Но он не находит даже отдаленных аналогий среди головных уборов народов Сибири. Зато на аналогичных фигурках довольно часты изображения волос, заплетенных в косы, причем косы передаются рельефными валиками, но они обычно прослеживаются на спине фигурок. Без сомнения и на нашей фигурке так же показаны волосы, заплетенные в косы.

Три косы на теменной части головы нашей фигурки позволяют высказать предположение об интерпретации плоскостных изображений в так называемых "коронах". Ареал, хронологические рамки, этническая атрибуция подобных изображений достаточно широки. Иконография так же весьма различна: это и изображения отдельных голов, и полные фигуры мужчин с высоко поднятыми руками с саблями, образы сидящих женщин. О назначении "корон" существует несколько версий. Это изображения трехголовых менквов [Чернецов 1957: 190] и мягкая шаманская шапочка украшенная перьями [Иванов 1954: 709], трехрогая тиара [Длужневская 1974: 231] или трехрогий головной убор [Худяков, Табалдиев, Солтобаев 1997: 145], и изображения шаманов в рогатых "коронах" [Лещенко 1976: 184], и шлем-корона [Гемуев, Сагалаев, Соловьев 1989: 88]. Почему столь схожи трехзубчатые окончания темени на рисунках у тюрков Алтая и Тянь-Шаня и угорских изображений Западной Сибири и Приуралья? Что это, конструкция головного убора, появившегося в таежной зоне Западной Сибири и заимствованная затем тюркским этносом? Но почему все изображения в "коронах" - это плоскостные рисунки головы в фас? Не скрывается ли за этими зубцами стремления древних художников показать на голове валики, как на нашей фигурке. Такие валики логичней всего интерпретировать не как весьма сложный головной убор, не имеющий реальных прототипов (если не считать таким прототипом царский венец), а как в нашем случае -

изображениями кос. Противоречит ли такая интерпретация фактам? Как кажется нет. Ведь косы носили как мужчины, так и женщины. Если рисунок головы на изображениях выполнялся в профиль, то длинные косы легко “читаются”, а, если человек сидит лицом к зрителю, то появляется зубчатое окончание темени [Длужневская 1974; Худяков, Табалдиев, Солтобаев 1997]. Стремление показать косы на рисунке в фас и приводило к странному на первый взгляд появлению торчащих вверх зубцов. О том, что на окуневских изваяниях расходящимися от головы линиями показаны волосы писали в свое время М. П. Грязнов [1950] и Э. Б. Вадецкая [1983:92]. Гипотезу показа волос зубцами подтверждает и анализ рисунков, ни на одном из которых не показаны волосы каким либо другим способом. В то же время на половецких каменных изваяниях изображение прически в три косы является наиболее распространенным [Плетнева 1974: 33], что точно соответствует трехзубому окончанию темени на тюркских рисунках Алтая [Гаврилова 1965: табл. VI] и Тянь-Шаня [Длужневская 1974; Худяков, Табалдиев, Солтобаев 1997].

Изготовление антропоморфных фигурок зародилось во второй половине I тыс. н. э. в угорской среде Западной Сибири и просуществовало по крайней мере до XII в. Изображались, в подавляющем большинстве случаев, одетые человеческие фигурки, половые признаки, как будто, не акцентировались. Довольно часты антропоморфные изображения с косами. Наиболее ранние фигурки имеют хорошо проработанные лица, позже преобладают весьма схематические поделки, в которых иногда трудно узнать антропоморфные изображения. Прекращение традиции их изготовления, на наш взгляд, совпало с общим упадком керамического производства. Глина, как материал для посуды и мелкой пластики перестала использоваться, и столь яркий элемент материальной культуры угров Западной Сибири прекратил свое существование.

Вадецкая Э. Б. 1983. Проблема интерпретации окуневских изваяний // Пластика и рисунки древних культур (Первобытное искусство). Новосибирск.

Викторова В. Д. 1968. Памятники лесного Зауралья в X-XIII вв. н. э. // Уч. зап. Перм. ун-та. № 191.

Гаврилова А. А. 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.

Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьев А. И. 1989. Легенды и были таежного края. Новосибирск.

Грязнов М.П. 1950. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА. № 12.

Длужневская Г. В. 1978. Еще раз о “кудыргинском валуне” (К вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // ТС 1974.

Иванов С. В. 1954. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX - начала XX в. // ТИЭ. Т. XXII.

Лещенко В. Ю. 1976. Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М.

Морозов В.М., Панина С. Н. 1997. Городище Янычково (предварительные результаты исследования) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург.

Мошинская В. И. 1958. Об одной группе глиняных антропоморфных изображений из Западной Сибири // КСИМК. Вып. 75.

Мошинская В. И. 1973. Об одной категории Западносибирской мелкой пластики // КСИА. Вып. 136.

Пархимович С. Ю. 1997. Новая находка глиняной пластики // Словцовские чтения 1996. Тюмень.

Плетнева С. А. 1974. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е 4-2.

- Терехова Л. М., Широков В. Н. 1986. Глиняная культовая пластика Рачевского археологического комплекса // ВАУ. № 18.
- Федорова Н. В. 1979. Новые находки мелкой антропоморфной пластики на поселениях конца I тыс. н. э. в среднем Приобье // Вопросы археологии Приобья. Тюмень.
- Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш., Солтобаев О. С. 1997. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане // РА. № 3.
- Чернецов В. Н. 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. № 58.

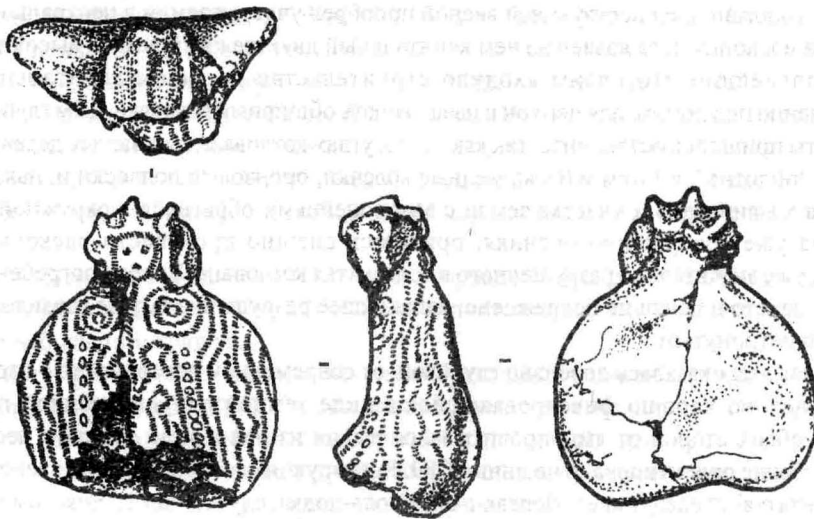

Рис. 1. Глиняная антропоморфная фигурка из городища Долговское I